

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К60

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Л. Пассини «Серьезный разговор»*

Коллинз, Уилки.

К60 Человек в черном : [роман] / Уилки Коллинз ;
[перевод с английского]. — Москва : Издательство
АСТ, 2023. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-156041-6

Луис Ромейн не мог и представить, что поездка к друзьям в Лондон в попытке отвлечься от тяжелых мыслей затянет его в паутину интриг, заговоров, лжи... и любви. Прекрасная Стелла влюбляется в Ромейна, и, кажется, у него тоже возникают к ней чувства. Но в то же время иезуиты хотят заполучить наследное поместье молодого аристократа, обратив хозяина в лоно Церкви. Все осложняется тем, что каждый — и Луис, и Стелла — скрывает свои страшные тайны.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156041-6

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Содержание

Вступление к рассказу	
Сцена первая. Дуэль	3
I	3
II	5
III	10
IV	15
V.	18
Сцена вторая. Предостережение	25
VI	25
VII.	28
VIII	35
IX	37
X.	39
РАССКАЗ	
Часть первая	
I. Откровенный разговор	43
II. Иезуиты	52
III. Представление Ромейну	59
IV. Отец Бенвель попадает в цель	67
V. Отец Бенвель промахнулся	72
VI. Порядок блюд.	80
VII. Влияние Стеллы.	88
VIII. Патер или женщина	93

IX. Винтерфильд	104
X. Корреспонденция отца Бенвеля	107
XI. Стелла остается верна себе	114
XII. Семейство генерала	121
XIII. Корреспонденция отца Бенвеля	135

Часть вторая

I. Бал с сэндвичами.	137
II. Вопрос о браке	145
III. Конец бала	154
IV. На рассвете	160

Часть третья

I. Медовый месяц.	170
II. События в Тен-Акре	173
III. Отец Бенвель и книга	181
IV. Конец медового месяца	189
V. Корреспонденция отца Бенвеля	199

Часть четвертая

I. Трудный разговор	227
II. Иезуит и христианин	231
III. Винтерфильд возвращается	242
IV. Корреспонденция отца Бенвеля	251
V. Корреспонденция Бернарда Винтерфильда.	256
VI. Самые грустные слова	258
VII. Впечатлительная половина человеческого рода	264
VIII. Корреспонденция отца Бенвеля	272

Часть пятая

I. Открытие мистрис Эйрикорт	274
II. Семена посеяны.	283
III. Жатва собрана	287
IV. По дороге в Рим	298

Заключение

(извлечение из дневника Бернарда Винтерфильда)

I. Винтерфильд оправдывается.	309
II. Винтерфильд делает выписки.	310
Эпилог	381

ВСТУПЛЕНИЕ К РАССКАЗУ

Сцена первая

ДУЭЛЬ

I

Доктора уже не могли помочь вдовствующей леди Беррик.

Когда медики советуют семидесятилетней старушке воспользоваться теплым климатом южной Франции, то это в переводе на простой человеческий язык означает, что искусство их бессильно.

Миледи испробовала действие теплого климата и затем решила, по ее собственному выражению, «умереть дома». Когда мне в последний раз довелось услышать о ней, она, путешествуя не спеша, прибыла в Париж.

Это было в начале ноября.

Спустя неделю я встретился в клубе с ее племянником, Луисом Ромейном.

— Что привело вас в Лондон в такое время года? — спросил я.

— Рок, преследующий меня, — отвечал он мрачно. — Я один из несчастнейших людей.

Ему было тридцать лет, он не был женат и являлся владельцем прекрасного старинного поместья, называемого аббатством Венж. У него не было бедных родственников, а сам он считался одним из красивейших

мужчин в Англии. Если я скажу при этом, что сам я армейский офицер в отставке, получаю крошечный доход, имею пренеприятную жену и четверых безобразных детей, что мне уже стукнуло пятьдесят, то никому не покажется удивительным мой ответ Ромейну:

— От всей души хотел бы поменяться с вами местами.

— Да и я бы хотел! — воскликнул он совершенно чистосердечно. — Прочтите!

Он подал мне письмо от доктора, сопровождавшего леди Беррик во время ее поездки. Отдохнув в Париже, больная продолжала свой путь и доехала уже до Булони. Как больная, она была подвержена внезапным капризам. Вдруг она почувствовала непреодолимый страх при мысли о переезде через канал и решительно отказалась взойти на пароход. Ввиду этого затруднительного обстоятельства ее компаньонка отважилась сделать ей предложение: не согласится ли она переехать через канал, если ее племянник приедет в Булонь специально, чтобы сопровождать ее во время путешествия? Тотчас же последовал удовлетворительный ответ, и доктор, не теряя времени, написал мистеру Луису Ромейну. Таково было содержание письма.

Дальнейшие расспросы оказывались излишними. Ромейн отправлялся в Булонь. Я сделал ему несколько полезных указаний.

— Попробуйте устриц в ресторане на молу, — сказал я.

Он даже не поблагодарил меня, находясь в глубокой задумчивости.

— Войдите в мое положение, — сказал он. — Я ненавижу Булонь и вполне разделяю отвращение тетки к переезду через канал. Я надеялся провести несколько месяцев в деревне, в приятном уединении с книгами — и вдруг такая неожиданность! Я очутился в Лондоне

в самое время туманов и должен завтра, в семь часов утра, выехать с курьерским поездом. И все это ради женщины, с которой у меня нет ничего общего. После этого я уж не знаю, могу ли называться счастливым человеком?

Он говорил с крайним раздражением, казавшимся мне при данных обстоятельствах просто смешным. Но у меня нервы крепкие и не расстроенные, как у моего друга, ночными занятиями и крепким чаем.

— Путешествие займет всего два дня, — заметил я, желая поощрить Ромейна в его положении.

— Как знать? — ответил он угрюмо. — Через два дня может подняться буря. Тетушка может вдруг заболеть и не сможет продолжить путешествие. К несчастью, я ее наследник и должен подчиняться всем ее фантазиям и капризам. Но я и так богат. Не надо мне ее денег! Терпеть не могу путешествовать, а особенно путешествовать один. Вы человек свободный. Если бы вы и в самом деле были мне другом, то предложили бы поехать со мной... конечно, в качестве моего гостя, — прибавил он с деликатностью, окупавшей многие причудливые черты его характера.

Я знал его настолько, что не обиделся его деликатным намекам на мою бедность. Предлагаемое мне путешествие соблазняло меня. Я не боялся переправы через канал, да и перспектива уехать из дому представлялась мне чрезвычайно привлекательной. Я принял предложение моего друга.

II

Вскоре после полудня следующего дня мы прибыли в Булонь и остановились вблизи леди Беррик, но не в одной гостинице с ней.

— Если мы поселимся в одном доме с ней, — заметил Ромейн, — нам вечно будут надоедать компаньонка и доктор. Постоянные встречи на лестнице, поклоны и разговоры!

Он терпеть не мог существующих в обществе формальных приличий. Однажды на вопрос, в каком обществе он чувствует себя лучше всего, он ответил весьма нелюбезно:

— В обществе собак.

Я ожидал его на молу, когда он отправился почтить миледи. Возвратясь ко мне, он сказал с горькой усмешкой:

— Что я вам говорил? Она нездорова и не может принять меня сегодня. Доктор смотрит озабоченно, а компаньонка подносит платок к глазам. Нам, может быть, придется провести здесь несколько недель.

После полудня пошел дождь. Ранний обед, поданный нам, оказался плохим, и это последнее обстоятельство вывело Ромейна из себя. Он не был гурманом, вопрос о еде сводился для него к вопросу о пищеварении. Ночные занятия и злоупотребление чаем, о котором я уже упомянул, повлияли также и на его желудок. Доктора, опасаясь серьезных последствий для его нервной системы, советовали изменить образ жизни, но он не доверял им и был вполне убежден в силе своей природы. Насколько мне известно, он никогда не исполнял докторских предписаний.

К вечеру небо прояснилось, и мы вышли погулять. Дорога тянулась мимо католической церкви, двери которой были открыты. В полусумрачном помещении мы увидели нескольких молящихся женщин.

— Подождите меня несколько минут, — попросил Ромейн, — я в скверном расположении духа. Постараюсь очистить свои мысли и улучшить настроение.

Я последовал за ним в церковь. Он опустился на колени в темном углу. Признаюсь, я был удивлен, увидев это. Он был крещен в англиканской вере, относительно же внешней обрядности, насколько мне известно, не принадлежал ни к какой церкви.

Иногда я слышал, как он с искренним уважением и восхищением говорил о христианстве, но никогда, насколько я знаю, не присутствовал при богослужении. Выйдя из церкви, я спросил, не принял ли он уже католическую веру?

— Нет, — отвечал он. — Я так же, как самый ревностный протестант, ненавижу исконное стремление духовенства этой церкви к влиянию на общество и к политическому могуществу. Но римская церковь вместе с большими недостатками имеет и большие достоинства. Все в ней устроено с замечательным знанием человеческой природы. Возьмем хотя бы то, что мы сейчас видели. Торжественное молчание в церкви, вид бедняков, молившихся рядом со мной, выразительные слова молитв, в которых я слился с ближними, — все это успокоило меня, и я почувствовал себя лучше. У нас в это вечернее время я нашел бы церковь запертою.

Он взял меня под руку и вдруг переменял тему разговора:

— Что вы будете делать, если тетушка примет меня завтра?

Я уверил его, что сумею найти себе развлечение.

На следующее утро леди Беррик прислала слугу сказать, что ждет племянника к себе после завтрака. Предоставленный самому себе, я отправился на мол, и там мне предложили нанять лодку. У хозяина ее были удочки и насадка. К несчастью, как оказалось впоследствии, я решил провести часок-другой за рыбной ловлей на море.

Когда мы вышли в море, ветер усилился и, прежде чем нам удалось вернуться в порт, наступил отлив. Было шесть часов, когда я оказался снова в гостинице. У подъезда стояла открытая коляска. Я нашел Ромейна, с нетерпением ожидающего меня, а на столе не было и следа обеда. Ромейн сообщил, что принял приглашение, распространявшееся также и на меня, и обещал рассказать все в экипаже.

Наш возница повез нас по дороге в Верхний город. Скрыв свое любопытство, я вежливо спросил его о здоровье тетки.

— Она, бедняжка, больна серьезно, — ответил он. — Мне досадно за свое неудовольствие и бессердечное отношение к ней, которые я выказал в клубе. Близость смерти обнажила в ее характере качества, которые мне следовало бы заметить ранее. Как бы ни был продолжителен срок, я терпеливо стану ждать возвращения в Англию.

Уверенный в своей правоте, он становился в мыслях и действиях самым упрямым человеком, какого мне приходилось когда-либо видеть. Убедившись же в своей неправоте, он ударялся в другую крайность: совершенно необоснованно начинал не доверять себе и безо всякой нужды пользовался каждым представившимся случаем, чтобы загладить свою ошибку. При этом он бывал способен, имея наилучшие намерения, поступать по-детски нерассудительно.

Предчувствуя что-то недоброе, я спросил, как он провел время без меня.

— Я ожидал вас, пока не потерял терпение, — отвечал он, — а потом решил пройтись. Я думал пойти на берег моря, но запах гавани заставил меня вернуться в город, и здесь — странное стечение обстоятельств — я встретил некоего капитана Питеркина, бывшего моего товарища по университету.

— Он здесь проездом? — спросил я.

— Нет, не совсем.

— Живет здесь?

— Да. Я потерял его из виду, уехав из Оксфорда, и, кажется, ему после не повезло. Мы разговорились. Он сказал мне, что будет жить здесь, пока его дела не устроятся.

С меня было довольно — личность капитана Питеркина вставала передо мной с такою ясностью, будто я знал его много лет.

— Неосторожно с вашей стороны возобновлять знакомство с подобным человеком, — сказал я. — Нельзя ли было ограничиться обменом поклонами?

Ромейн принужденно улыбнулся.

— Вы, может быть, правы, — отвечал он, — но вспомните: уходя от тетки, я осознал, как несправедливо относился к ней. И подумал, что обижу старого товарища, холодно обойдясь с ним. Бедняга, быть может, попал в свое теперешнее положение столько же по несчастью, сколько и по своей вине. Мне в первую минуту хотелось поступить, как вы советуете, но я не доверился себе. Он протянул мне руку и выразил удивольствие, что видит меня. Как тут было поступить? Мне интересно услышать ваше мнение о нем.

— Капитан Питеркин пригласил нас обедать?

— Да. Я случайно упомянул о вчерашнем скверном обеде в гостинице. Он сказал: «Приходите ко мне в пансион. Кроме Парижа, во всей Франции не найдете такого стола». Я старался отказаться от его приглашения — я не люблю встречаться с незнакомыми личностями — и сказал, что я здесь со знакомым. Он любезно пригласил и вас сопутствовать мне. Неловко было отказываться дольше. Питеркин и так обиделся. «Я беден, — сказал он, — и вовсе не подходящее знакомство для вас и ваших друзей. Прошу извинения,

что осмелился пригласить вас!» Он отвернулся, со слезами на глазах. Что мне было делать?

Я подумал:

«Следовало предложить ему пять фунтов, и он не обиделся бы, что его приглашение не принято».

Вернись я вовремя для прогулки с Ромейном, мы бы не встретили капитана, а если бы даже встретили, то мое присутствие помешало бы конфиденциальному разговору и приглашения бы не последовало. Я чувствовал свою вину, хотя вовсе не был виноват. Возражения теперь бесполезны — дело поправить нельзя.

Оставив старый город по правую руку и проехав мимо нескольких дач в предместье, мы подъехали к одинокому домику, окруженному каменной оградой. Проходя через садик перед домом, я заметил около конуры двух больших цепных собак. Их хозяин боялся воров?

III

В ту минуту, когда мы вошли в гостиную, мои подзрения насчет общества, которое я ожидал встретить, подтвердились.

«Карты, бильярд и пари» можно было ясно прочесть на лице и в манерах капитана Питеркина. На содержательнице пансиона — быстроглазой желтолицей старухе — было надето украшений тысяч на пять фунтов стерлингов, если бы они были из настоящих драгоценных камней. Молодые особы, находящиеся в комнате, были сильно нарумянены, а глаза их так тщательно подведены, будто они собрались на сцену, а не на обед. Когда мы вошли, эти прелестные создания пили мадеру для возбуждения аппетита. Среди мужчин двое особенно бросились мне в глаза: подобных образчиков отъявленных

негодяев я не встречал ни у себя на родине, ни за границей. Одного, со смуглым лицом и перешибленным носом, нам представили под именем Командора и как человека, обладающего большим состоянием, перуанского аристократа, путешествующего ради удовольствия. Другого, в военном мундире с орденами, называли генералом. Нахальные манеры, толстое тупое лицо, маленькие косые глазки и сальные руки произвели на меня настолько отталкивающее впечатление, что хотелось дать ему пинка. Ромейна, вероятно, еще до нашего приезда отрекомендовали как богатого собственника. Мужчины и женщины встретили его с подобострастной вежливостью. Когда мы перешли в столовую, очаровательная особа, поместившаяся рядом с ним, закрылась веером и таким образом устроила свидание с глазу на глаз с богатым англичанином. Что касается обеда, то он в известной степени оправдал отзыв капитана Питеркина. Вино было хорошее, и разговор сделался непринужденным до неделикатности.

Обыкновенно крайне умеренный, Ромейн, искашаемый примером соседей, пил много. Я, по несчастию, сидел на противоположном конце стола и не имел возможности предостеречь своего друга. По окончании обеда мы все вернулись в гостиную пить кофе и курить. Женщины курили, пили ликеры и кофе наравне с мужчинами. Одна подошла к роялю, и начался импровизированный бал, дамы танцевали с сигаретами во рту. Постоянно держа уши и глаза настороже, я вдруг заметил, как открылся деревянный столик розового цвета и показалось зеленое поле. В то же время из потаенного шкафчика в диване появился хорошенький столик с рулеткой. Проходя мимо почтенной хозяйки, я слышал, как она шепотом спросила слугу, спущены ли собаки.

Из всего замеченного мною я заключил, что собаки служили для предупреждения о появлении полиции. Пора было поблагодарить капитана Питеркина и проститься.

— Будет с нас этого, — шепнул я Ромейну по-английски. — Пойдемте.

В наше время ошибочно предполагать, что можно сообщить что-нибудь по секрету, говоря по-английски в присутствии французов. Одна из дам кокетливо спросила Ромейна, неужели она уже надоела ему. Другая напомнила, что идет проливной дождь — мы все слышали это, — и уговаривала моего друга подождать, пока погода прояснится. Отвратительный генерал, показав грязной рукой на карточный стол, сказал:

— Нас ждет зеленое поле.

Ромейн был возбужден, но выпитое вино не лишило его рассудка. Он ответил сдержанно:

— Прошу извинить меня, я плохой игрок.

Лицо генерала вдруг приняло серьезное выражение.

— Вы, кажется, оказались в неведении, — сказал он. — Мы играем в ландскнехт — игру случая. Если выпадет удача, плохой игрок сможет справиться со всем столом.

Ромейн продолжал отказываться. Я, конечно, поддерживал его, стараясь никого не обидеть. Тем не менее генерал обиделся. Он скрестил руки на груди и свирепо взглянул на нас.

— Не означает ли это, господа, что вы не доверяете нашему обществу? — спросил он.

Командор с перешибленным носом, услышав вопрос, тотчас же подошел, стараясь восстановить мир с помощью убедительного средства — дамы, которую он вел под руку.

Дама вышла вперед и ударила генерала веером по плечу.

— Я тоже принадлежу к обществу, — сказала она, — и уверена, что мистер Ромейн не имеет недоверия ко мне.

Она обратилась к Ромейну с очаровательнейшей улыбкой.

— Джентльмен никогда не отказывается от карт, когда его партнер — женщина. Будемте играть вместе, только прошу вас, мистер Ромейн, не очень рискуйте.

Она вложила ему в руку свой хорошенький кошелек с таким видом, будто уже полвека была влюблена в моего друга.

Роковое влияние женщины и выпитое вино произвели желаемое действие. Ромейн позволил подвести себя к карточному столу. С минуту генерал не начинал игру: после случившегося ему необходимо было восстановить справедливость.

— Мы все честные люди... — начал он.

— И храбрые... — добавил Командор, с восхищением глядя на генерала.

— И храбрые, — согласился генерал, в свою очередь с восторгом глядя на Командора.

— Если я позволил себе выразиться с излишней горячностью, господа, то сожалею об этом и прошу у вас прощения.

— Благородная речь! — воскликнул Командор.

Генерал приложил руку к сердцу и поклонился.

Игра началась.

Как человек небогатый, я не был предметом таких ухаживаний со стороны дам, как Ромейн. Но надо же было заплатить за обед, принимая хотя бы некоторое участие в вечерних увеселениях. Оказалось, что за рулеткой допускались небольшие ставки. Кроме того, карточный стол сулил так много привлекательного, что у рулетки вряд ли стоило плутовать. Я распо-